

Фрол Баев

Городовой Медведев в «На дне», лакей Яша в «Вишневом саду», Собакевич в «Мертвых душах», антрепренер Мигаев в «Талантах и поклонниках», протоиерей Закатов в «Любови Яровой», один из мужиков в «Воскресении», старый рабочий Левшин во «Врагах» — вот список ролей Грибова, сыгранных им в последние 5—6 лет. Список поражает своей пестротой. Лакей Яша, щеголяющий парижским шиком, и грузный медведь из крепостной берлоги Собакевич; вертлявый и наглый поставщик зрелищ для князей Дулебовых и чиновников Бакиных — провинциальный антрепренер Мигаев, и простой, спокойный, мудрый старый рабочий Левшин — что общего между ними? Их жизненность. Неподдельная жизненность. Никаких следов черновой работы Грибов не выносит на сцену. Ни про один жест, ни про одно движение Грибова нельзя сказать: «Вот здесь актер показывает социальный облик Левшина, а вот здесь он занят раскрытием перед зрителем психологического образа Собакевича».

Театральны ли образы Грибова? О, да. Если бы было иначе, они не запомнились бы так, как запоминается даже его мужик из «Воскресения» — «роль без ниточки». Но образы Грибова театральны в той высшей степени театральности, когда со сцены исчезает малейший ее запах, когда автор, режиссер, актер исчезают под какой-то шапкой-невидимкой, а зритель сталкивается лицом к лицу с самим Собакевичем, и будто не к Чичикову, а к самому зрителю обращено его медвежье: «Прощу!»

Есть ли это натуралистическая подмена искусства некоей фотографией жизни?

Нет. Жизненность, которой отмечены образы Грибова, особого рода. Секрет ее — в тонком сочетании юмора и лиризма. Там, где юмор сочетается с лирикой, Грибову доступны вершины сценического творчества.

Новая роль Грибова — Фрол Баев в «Земле» Николая Вирта — лучшее создание актера.

Образ старого крестьянина-середняка, отпавшего пешком в Москву, к Ленину, искать правды, возвращающегося на родину вестником этой новой правды и умирающего мучеником за нее, — этот образ как бы выкован Грибовым в мастерской Льва Толстого: так он крепок, правдив и прост. Из десятков штампов, известных каждому актеру, работающему над «мужичьей ролью», Грибов не воспользовался ни одним.

Я живо помню этнографических мужиков «Власти тьмы» в давней постановке МХАТ (1902): они так и просились в экспонаты бытового музея Тульской губернии. От них веяло холодом музейной витрины, хотя по ним можно было изучать говор, бабы паневы и вышивки Крапивенского уезда. Никаких тамбовских говоров по Грибову не изучишь. В его речи нет никаких фольклорных этногра-

А. Н. Грибов в роли Фрола Баева

фических сгустков: это чистая народная речь.

Грибов дает во Фроле Баеве истинно исторический образ — образ крестьянина-ходока. Когда-то крепостная деревня, измученная помещичьим кнутом, посылала таких ходоков искать «вольные места»: они забредали в киргизские степи, к китайской границе, попадали в Хиву, в Бухару в тщетной надежде найти вольную землю. Позже, обезамериканная деревня выслала таких ходоков на Зеленый клин (Амурский край) искать земли, куда бы можно было выселиться с наделов, где курице тесно.

Фрол Баев берется за старый дорожный посох ходока и впервые за долгие века народного правдоискательства он находит свою правду: он приносит односельчанам полученное из рук Ленина право на освобожденную землю.

Образ крестьянского ходока-правдоискателя, потрясающий своей силой, Грибов строит так же просто, так же нетеатрально, как все предыдущие. В душе его Фрола горит тоска по правде, но в его речи та же добродушная усмешка. В его уме Ленин зажег мысль, но всмотритесь, вслушайтесь в то, как Фрол делится сокровищем, принесенным от Ленина, со своими сельчанами: он так же прост, деловит и та же мягкая улыбка красит и светлит его старое лицо. Фрол зажигает крестьянские сердца — и сердца зрителей — своими речами о Ленине, а сами эти речи чужды даже намега на какую-либо искусственную приподнятость.

Грибов создал народный образ: он собрал в нем все лучшее, что есть в веками сложившемся облике крестьянского ходока по мирской нужде.

Но он согрел этот образ ликующей радостью современника — радостью навсегда осуществленной народной мечты о свободной земле.